
ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**МЕСТО И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА
В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ**

© 2011 г. Рубен Амаякович Каламкарян

***Краткая аннотация:** в работе раскрываются место и роль Международного суда в современном миропорядке, показывается значимость его участия в деле построения миропорядка на основе господства права.*

***Annotation:** The work discloses place and role of International Court in modern world order, shows importance of its participation in building world order on the basis of Rule of Law.*

***Ключевые слова:** Международный суд, современный миропорядок, господство права.*

***Key worlds:** International Court, modern world order, Rule of Law.*

Включенность Международного суда в формат миропорядка на основе господства прав Rule of Law (это предусматривается такими универсально принятыми документами, как Декларация тысячелетия 2000 г. и Декларация Саммита 2005 г.) определяется его ролью как главного судебного органа Организации Объединенных Наций, призванного через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута суда) содействовать мирному разрешению споров (ст. 33 Устава ООН).

Международный суд как орган международного правосудия, который знает права (*jura novit curia*), выносит в режиме юридического равенства заявителя (призванного представить доказательства в поддержку своей позиции при условии отказа в принятии его дела по факту непредставления надлежащих доказательств – *actore non probante reus absolvitur*) и ответчика (*audiatur at altera pars*) окончательное решение – юридически обязательное для участвующих в деле сторон (*res judicata*).

Позиционная значимость Международного суда определяется его ролью в деле поддержания юридической безопасности государств – членов мирового сообщества, когда Суд как орган по обеспечению права через выносимое им решение по делу содействует защите субъективных прав и законных интересов государств. “К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Организации Объеди-

ненных Наций или действующими договорами и конвенциями” – так Статут в п. 1 ст. 36 определил круг компетенции Международного суда. По факту передачи дела Суду, последний вне зависимости от характера спора призван через применение всей источниковой базы международного права согласно п. 1 ст. 38 Статута (основные источники: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права; вспомогательные источники: судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) или на основе справедливости *ex aequo et bono* (по согласию сторон) разрешить спор, вынести надлежащее решение и перенести взаимные отношения сторон в разряд нормальности и доверительности. При этом Международный суд как орган международного правосудия в силу запрета *non-liquet* не может отказаться вынести решение за неясностью или отсутствием подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1950 г.).

Подтверждение значимости Международного суда как главного судебного органа ООН в концептуальном плане сопрягается с предложением расширения субъектного состава участников спорной юрисдикции Суда за счет включения суда международных организаций и индивидов. Способ достижения обозначенной цели выстраивается через создание в рамках ООН специального комитета с полномочиями вспомогательного органа ООН по обеспечению включенности международных организаций и индивидов в процесс судебного разбирательства по линии спорной юрисдикции. В этом направлении в ходе проведенного меж-

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: iggran@iggran.ru).

дународного симпозиума по тематике “Судебное урегулирование международных споров” (Гейдельберг, ФРГ, 10–12 июля 1972 г.) высказались профессор Р.-Ж. Дюпи (R.-J. Dupuy), С. Бастид (S. Bastid), Р.Л. Бюргенталь (R.L. Buergenthal), Р.Я. Дженнингс (R.Y. Jennings)².

Между тем сама природа Международного суда как главного судебного органа ООН (универсальной международной организации, где ее членами по Уставу являются только государства) предоставляет однозначность заключения о том, что субъектами судебного разбирательства по спорной юрисдикции выступают исключительно государства. Пункт 1 ст. 34 Статута Суда гласит: “Только государства могут быть сторонами по делу, разбираемому судом”. Будучи нормоустанавливающим документом, в соответствии с которым действует Международный суд, Статут (как неотъемлемая часть Устава ООН) предусматривает возможность обращения в Суд именно для государств, являющихся участниками данного Статута (п. 1 ст. 35). Возможность обращения с соответствующим заявлением в Международный суд допускается и для “других государств” (нежели государств – участников Статута), однако она определяется каждый раз специально на основе постановления Совета Безопасности ООН с учетом соблюдения особых положений, содержащихся в действующих договорах (п. 2. ст. 35). Расходная часть ведения дела в Международном суде для государства, не состоящего членом ООН, определяется Судом в специальном порядке (п. 3 ст. 35).

Логический позитив предметного рассмотрения субъектного состава участников судебного разбирательства по спорной юрисдикции однозначно показывает, что только государства как органические создатели ООН и непосредственные участники международного спора могут выступать сторонами разбирательства в Международном суде. Таким образом, понятие “сторона в деле” предусматривает только и исключительно государства.

Предписание востребованности разрешения межгосударственных споров через посредство Международного суда (как оно проявляет себя в рамках миропорядка на основе верховенства права) параллельно с этим допускает включенность в процесс разбирательства в Суде главных и других органов ООН, а также специализированных уч-

реждений. Однако речь здесь идет, не о спорной юрисдикции, а о консультативной юрисдикции. Положения ст. 96 Устава ООН, а также вся гл. IV Статута суда (ст. 65–68) посвящены институту консультативных заключений Международного суда. Запрос по линии орган ООН – Международный суд в одном идет от имени Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а в другом случае от имени других органов ООН и ее специализированных учреждений (с разрешения Генеральной Ассамблеи). Предметом запроса о консультативном заключении согласно Уставу ООН и Статуту Суда является “любой юридический вопрос”, также как предметом спорной юрисдикции Международного суда опять-таки согласно Уставу ООН являются “споры юридического характера”. Между тем известно, что согласно общепризнанному принципу о запрете *non-liquet*³ Суд как орган правосудия не может отказать вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Тем самым суд принимает к рассмотрению любые споры и любые вопросы, переданные ему сторонами для разбирательства. В практике Международного суда никогда не было разделения споров и вопросов, с которыми к нему обратились субъекты международного права, на юридические и политические. Все споры и все вопросы, поступившие в Суд в соответствии с его Статутом, принимаются Международным судом к рассмотрению, и по ним выносятся решения или консультативное заключение.

В то время как государства и международные организации, каждая сама по себе, могут в соответствии со Статутом Суда обращаться, соответственно, за решением или консультативным заключением, сталкивать их в Суде в рамках спорной юрисдикции по предмету “правомерности”, недопустимости *ultra vires* постановлений международной организации (как это предполагает, например, профессор Парижского университета С. Бастид, S. Bastid)⁴ представляется недопустимым. Международный суд ООН, справедливо отмечают ученые (профессора Ш. Розенн (Sh. Rosenne), К.Й. Парш (K.J. Partsch), Г. Стей-

² См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 72, 73, 68, 48.*

³ См.: *Lauterpacht H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1985. Vol. 2. Part 1. P. 231–237; Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Peace. London, 1992. Vol. 1. P. 13; Cheng B. General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals. London, 1953. P. 16, 18, 260.*

⁴ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 72, 73.*

бергер (H. Steibeger)⁵), не может брать на себя функции конституционного суда. Действительно, Международный суд был учрежден как главный судебный орган ООН именно в качестве органа международного правосудия, где сторонами дела могут быть только государства. В этом смысле господство права Rule of Law как основополагающее звено всей конструкции международного судебного разбирательства прямо предписывает востребованность разрешения межгосударственных споров именно через Международный суд.

1. Международный суд как фактор по обеспечению господства права в международных отношениях.

Включенность Международного суда в дело нормального (в смысле поступательного) развития современного миропорядка определяется его ролью по обеспечению выполнимости норм международного права на основе принципа добросовестности.

Право как позитив должного поведения государств действует в режиме предписания добросовестного соблюдения государствами своих международных обязательств и санкционирования по обстоятельствам их нарушения. Для Международного суда как главного судебного органа ООН его значимость проявляет себя через создание надлежащих условий для разрешения всех возникших межгосударственных споров по предмету выполнения государствами своих международных обязательств (вне зависимости от их происхождения: договорные или обычного порядка) исключительно в режиме принципа добросовестности. Международное право, как известно, санкционирует не только прямое нарушение, но и недобросовестное его соблюдение. Доктрина международного права (профессора Б. Ченг, Э. Золлер, Ш. Руссо, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм и др.)⁶, равно как и практика международных судебно-арбитражных органов (решение по делу о германских интересах в польской Верхней Силезии от 25 мая 1926 г., решение по делу о применении Конвенции 1902 г. о защите несовершеннолетних от 28 ноября 1958 г., решение по делу о Трейл Сметте от 6 апреля 1938 г., решение

по делу о тюленях Берингова моря 1992 г.)⁷ однозначно высказывается в пользу недопустимости злоупотребления правом. Государство может пользоваться своими субъективными правами в той степени, в какой оно не нарушает субъективных прав другого государства. Линия между добросовестным и недобросовестным использованием субъективными правами проходит по линии такого пользования субъективными правами, при котором не допускается нарушения обязательства по недопустимости нарушения субъективных прав другого государства. Возникший по факту злоупотребления правами спор подлежит передаче в Международный суд для вынесения по нему обязательного для сторон решения в режиме *res judicata*.

Международный суд при вынесении своего решения не только использует весь уже наработанный позитив источниковой базы международного права (суд, записано в консультативном заключении по делу в юридических последствиях для государств по факту присутствия ЮАР в Намибии от 21 июня 1971 г., “может действовать только на основе права”)⁸, но и при этом уточняет, формирует новые нормы и принципы, констатирует создание международного обычая. Тем самым Международный суд играет важную роль в прогрессивном развитии современного международного права и его институтов. Так, в решении по англо-норвежскому делу о рыболовстве от 18 декабря 1951 г. суд констатировал становление принципа прямых исходных линий при определении границы территориальных вод⁹. Формулирование судом принципа прямых исходных линий в качестве новой обычной международно-правовой нормы произошло, с одной стороны, по факту ее признания международным сообществом. С другой стороны, в решении по делу о континентальном шельфе Северного моря от 20 февраля 1969 г. Суд высказался против факта существования или формирования новой обычной правовой нормы в форме принципа равного отстояния при разграничении континентального шельфа¹⁰. И наконец, в решении по делу Ноттебома от 6 апреля 1955 г. Суд подтвердил факт формирования обычной международно-правовой нормы в форме принципа реальной или эффективной связи при обосновании института гражданства¹¹.

⁵ Ibid. P. 72, 74, 245.

⁶ См.: Cheng B. Op. cit. P. 105–163; Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977. P. 109–122; Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. T. 1. P. 382–384; Lauterpacht H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. London, 1970. Vol. 2. P. 47, 237, 268, 378; Oppenheim's International Law. Op. cit. P. 38, 44.

⁷ См.: C.P.J.I. Serie A.N. 7 P. 30; C.I.J. Recueil 1958. P. 67; Moore J. B. International Adjudications. New York, 1929. P. 889, 890.

⁸ C.I.J. Recueil. 1971. P. 22.

⁹ См.: C.I.J. Recueil. 1951. P. 116, 138, 139.

¹⁰ См.: C.I.J. Recueil. 1969. P. 27, 28.

¹¹ См.: C.I.J. Recueil. 1955. P. 16, 17, 20, 21.

Представленные примеры решений Международного суда по англо-норвежскому делу о рыболовстве, по делу о Ноттебومه и по делу о континентальном шельфе Северного моря служат наглядной иллюстрацией роли и места Суда в процессе прогрессивного развития международного права и его институтов. Констатация со стороны Международного суда факта формирования нового принципа международного права проходит в объективном порядке наличия устоявшейся, длительной и непрерываемой практики и юридического убеждения государств-членов мирового сообщества в ее обязательности для себя (*opinion juris sive necessitatis*).

Решения Международного суда, будучи способом констатации факта формирования новой международно-правовой нормы, сами (совместно с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) служат в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (ст. 38 Статута Суда). Совместно с международными конвенциями, международным обычаем и общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, судебные решения представляют собой источникую базу современного международного права.

Качественный показатель вклада Международного суда в процесс прогрессивного развития международного права определяет себя постоянством действия, преемственностью происхождения судебного разбирательства, последовательностью в достижении справедливого решения дела.

Первым постоянно действующим международным судебным органом была учрежденная в 1922 г. Постоянная палата международного правосудия. Именно с этого периода мировое сообщество получило институционно-правовой орган международного правосудия, который осуществлял свою деятельность не от случая к случаю (как на этот счет действует международный арбитраж), а в режиме постоянства. В то время как Международный арбитражный суд по делу Бетси (*Betsey*)¹² 1797 г. между США и Великобританией являл собой начало в мировой истории развития судебного-арбитражного производства, учреждение в 1922 г. Постоянной палаты международного правосудия обозначало начало режима постоянства в работе органа международного правосудия мирового сообщества. Учреждение в 1945 г. Международного суда как постоянно действующего главного судебного органа ООН определяло собой позитивное продолжение (в режиме преем-

ства) в деятельности Постоянной палаты международного правосудия. Дела, первоначально переданные в Постоянную палату международного правосудия, согласно ст. 37 Статута переходили в компетенцию Международного суда. Мировое сообщество, заинтересованное в успешном завершении всех дел, которые в первоначальном варианте были переданы в Постоянную палату международного правосудия, создало в форме постановлений ст. 37 Статута Международного суда норму по автоматическому переходу дел из компетенции Постоянной палаты международного правосудия в компетенцию Международного суда ООН. Тем самым на практике был осуществлен общеизвестный принцип судебного-арбитражного производства по обеспечению непрерывности процесса. Востребованность обеспечения фактора “постоянства” в деятельности международных судебных институтов вполне обоснованно была обозначена учеными, например проф. Р.Й. Дженнингсом (*R.Y. Jennings*), в качестве жизненно необходимой¹³. Вся деятельность Международного суда в рамках достижения общих целей мирового сообщества по обеспечению верховенства права в международных отношениях.

Значимость Международного суда именно в аспекте миропорядка на основе господства права в юридической сущности Суда как органа по обеспечению, толкованию, формулированию, прогрессивному развитию международного права показывает себя в реальном режиме. Государства вполне обоснованно выделяют судебную процедуру мирного разрешения споров по сравнению с другими способами мирного разрешения споров согласно ст. 33 Устава ООН. Преимущества судебной процедуры состоят в создании условий для окончательного разрешения спора в режиме юридически обязательного постановления для сторон. Политические способы мирного разрешения спора (переговоры, посредничество, обследование, примирение) по своей сути не ориентированы на достижение юридически обязательного акта. Понимая это, государства при возникновении востребованности разрешения споров предпочитают судебную процедуру мирного разрешения спора по сравнению, в частности, с посредничеством (*mediation*) и примирением (*conciliation*). Возросшее обращение государств в Международный суд с целью мирного разрешения споров сводит на нет всякие утверждения по

¹² См.: *Zoller E. Op. cit. P. 34; Cheng B. Op. cit. P. 106, 107.*

¹³ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 37.*

поводу “упадка”, “второстепенности” роли Суда в современной международной системе. Доводы проф. В. Моравецкого (W. Morawiecki)¹⁴ в пользу “дисфункциональности” и “второстепенности” роли Международного суда сводятся к заявлениям о неготовности государств принимать обязательную юрисдикцию Суда и, соответственно, подвергать себя жесткому и окончательному по своему характеру способу разрешения международных споров по обстоятельствам появления “победителя” и “побежденного”. В то время как суд предлагает “игру по принципу нулевой суммы” (“zero sum game”), политические средства разрешения споров устанавливают, утверждает В. Моравецкий, более гибкий и приемлемый вариант “игры по принципу не нулевой игры” (“non-zero sum game”). Международный суд по всем объективным показателям своей деятельности не только не находится в упадке, но, наоборот, с каждым годом своей важной и направленной на обеспечение верховенства права деятельности повышает (через увеличение числа переданных ему дел государствами) свою включенность в современный миропорядок. В этом смысле вполне обоснованно говорить о том, что Международный суд на самом деле находится на подъеме. Доктрина международного права (например, профессор Б. Ченг, B. Cheng; Ф. Капорти, F. Caportorti; Ш. Розенн, Sh. Rosenne; Л. Гросс, L. Gross; Л. Оппенгейм, L. Oppenheim; Р. Сзафарз, R. Szafars; М. Ляхс, M. Lachs)¹⁵ справедливо констатирует значимость роли Международного суда в плане устранения споров из взаимных отношений государств и введения их в русло сотрудничества, мирного взаимодействия и доверия. При этом в особом порядке вполне обоснованно обозначается роль Международного суда в деле обеспечения господства права Rule of Law в современном миропорядке. Замечания профессоров Г. Голсонга (H. Golsong) и Р.Й. Дженнига (R. Y. Jennings) в этом направлении однозначно правильны, поскольку целиком вписываются в реальные параметры

включенности Международного суда в систему современных международных отношений¹⁶.

На общем фоне позитивности в восприятии значимости места и роли Международного суда в современном миропорядке доктринальные утверждения о “второстепенности” суда, неприемлемости однозначного решения спора между государствами, “жесткости” и “бескомпромиссности” при нахождении пути урегулирования спорной ситуации требуют адекватного ответа с позиций современного международного права.

Дела возбуждаются в Международном суде, устанавливает ст. 40 Статута, нотификацией специального соглашения или письменным заявлением на имя секретаря суда. В обоих случаях требуется указание предмета спора (*petitum*) и сторон спора в режиме их юридического равенства (*audiatur et altera pars*).

Обращение в Международный суд никак нельзя рассматривать как недружественный акт. При любых случаях возбуждения дела в суде (нотификация специального соглашения или письменное заявление на имя секретаря) предварительное согласие сторон уже присутствует. В конце концов именно согласительная основа составляет юридическое обоснование при возбуждении дела в Международном суде. При обстоятельствах, когда в первоначальном плане в Суде (и, соответственно, вынесения по нему решения) наличествует заранее выраженное согласие сторон, факт обращения одной из сторон спора в Суд и возбуждение по этому факту дела следует в общепринятом понимании вещей расценивать исключительно как согласующееся с логикой права намерение уважающего право государства изыскать справедливое решение возникшего (с другим государством) спора. Международный суд как независимый, беспристрастный орган международного правосудия, который знает право (*jura novit curia*), выносит в режиме юридического равенства сторон (*audiatur et altera pars*) через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута Суда) обязательное для сторон окончательное решение в параметрах *res judicata*. Таким образом, вместо фактора недружественности из обращения в Суд выходит позитив согласующегося с правом стремления содействовать поддержанию господства права Rule of Law в международных отношениях.

¹⁴ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 49, 225–231.

¹⁵ См.: *Cheng B.* Op. cit. P. 336–387; *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 50, 52, 54, 72; *Oppenheim's International Law.* Op. cit. P. 11, 14; *Rosenne Sh.* *Intervention in the International Court of Justice.* Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 1–79; *Szafarz R.* *The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice.* Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 1–17.

¹⁶ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 42, 48, 52.

Факторы окончательности и обязательности, присутствующие в решении Суда, никак не могут рассматриваться в юридическом понимании pro или contra. В решении беспристрастного и независимого органа международного правосудия, каким выступает Международный суд, нет “победителя” и “проигравшего” в обычном понимании этих терминов. Есть институционно-правовой формат урегулирования спора, который должен быть разрешен навсегда и в итоге получает надлежащее решение в соответствии с международным правом.

Утверждения о “преимуществах” политических средств разрешения спора (переговоры, обследование, посредничество, примирение) по обстоятельствам возможного присутствия в них компромиссных способов разрешения спора на самом деле с юридической точки зрения несостоятельны.

Достижение компромисса не есть неотъемлемый элемент политических средств решения спора. Когда при использовании политических средств решения международного спора включаются факторы приводящего политического характера, достигнутые договоренности в части урегулированности спора могут по истечении времени быть не соблюдены в силу новых политических реалий. “Ущербность” политических средств мирного разрешения споров определяется в силу фактора включенности непосредственно заинтересованных сторон (государств) в сам процесс урегулирования спора. Решение Международного суда, напротив, носит окончательный характер и является юридически обязательным для сторон. До последнего времени все решения Международного суда выполнялись, поэтому юридических оснований для обращения к положениям п. 2 ст. 94 Статута Суда не возникало. В ситуации, когда какая-нибудь сторона в деле не выполнит обязательства по факту вынесенного решения Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности ООН, который делает на этот счет свои рекомендации или принимает решение о принятии мер для приведения решения в исполнение. Авторитет Международного суда как главного судебного органа ООН и позитив применяемого им международного права вполне обоснованно сделали не востребовавшимся применение со стороны государств – сторон спора соответствующих (предусмотренных на случай невыполнения государством вынесенного судебного решения) постановлений Устава ООН.

Положительные качества постановлений Международного суда в плане обеспечения оконча-

тельности урегулирования спора и достижения юридической обязательности судебного решения носят объективный характер. Вынесенное на основе права решение Суда, являющееся юридически обязательным для сторон спора, имеет все преимущества перед любым политическим средством урегулирования, достигнутым по факту компромиссов, политических уступок и удобств. В рамках миропорядка на основе господства права именно судебная процедура разрешения спора определяет свою востребованность, поскольку подтверждает общепризнанный принцип примата права в политике.

Профессор Ф. Капоторти, определяя преимущества судебного урегулирования спора перед всеми известными международной практике политическими средствами урегулирования, делает вполне обоснованный вывод: “Существует серьезное различие между судебным урегулированием и другими средствами урегулирования спора. Только судебное урегулирование может подтвердить право и содействовать его (прогрессивному. – *Р.К.*) развитию. Другие решения создают не более чем компромиссы, в которых субъективные права очень часто приносятся в жертву политической целесообразности”¹⁷.

Господство права Rule of Law как юридическая категория должного поведения всех государств – членов мирового сообщества создает реальную и логически правильную ориентацию на урегулирование любого возникшего спора в рамках Международного суда. Оптимальной основой создания юридического фундамента для обращения за судебным урегулированием спора выступает Декларация о признании обязательной юрисдикции Суда согласно п. 2 ст. 56 Статута Суда. При этом такие декларации должны в своей основе исходить из принципа добросовестности, как того требует само содержание акта, согласно которому государство принимает на себя обязательную юрисдикцию Суда по всем спорам, могущих возникнуть в будущем с каким-либо другим членом мирового сообщества¹⁸. Соответственно, юридически не состоятельны декларации о признании обязательной юрисдикции Суда с включенной сюда автоматической оговоркой, допускающей изъятия для дел, входящих во внутреннюю ком-

¹⁷ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 80.

¹⁸ См. на этот счёт подробнее: *Каламкрян Р.А.* Поведение государств в международном суде ООН (Международно-правовые проблемы судебного-арбитражного производства). М., 1999.

петенцию того или другого государства, как оно само это воспринимает. Выступить с декларацией о признании обязательной юрисдикции суда и одновременно с этим делать оговорку, предусматривающую исключение из юрисдикции Суда дел, касающихся внутренней компетенции государства в его собственном понимании данной категории, есть лишённое юридического смысла действие. Представление одностороннего акта о признании обязательства с чётко обозначенной направленностью, с параллельным представлением автоматической оговорки о внутренней компетенции сводит на нет первоначально принятое обязательство. По сути, мы выходим из требований, установленных принципом добросовестности (*bona fide*) и переходим в область злоупотребления правом (*abuse of rights, abus de droit*). А это уже абсолютно не допустимо с точки зрения современного международного права.

В том что касается количественного состава государств, выступивших с Декларацией о признании обязательной юрисдикции Суда, то здесь общий позитив международного права проявляет себя следующим образом.

Возрастающее с каждым годом количество обращений государств в Международный суд с запросом о принятии дела к производству свидетельствует о готовности государств – членов мирового сообщества разрешать возникающие между ними споры через как это, собственно, и предписывается общим требованием господства права. Продвижение господства права *Rule of Law* в современную международную систему призвано содействовать увеличению количественного состава государств – членов мирового сообщества, выступающих с декларацией о признании обязательной юрисдикции Международного суда (на настоящий момент общее число таких государств составляет 65).

Сделанный концептуальный вывод о значимости международно-правовой практики принятия обязательной юрисдикции Международного суда в контексте миропорядка на основе господства права находит полное понимание на доктринальном уровне. Профессор Р.Й. Дженнингс (R. Y. Jennings)¹⁹ в своём выступлении на международном симпозиуме представил вполне обоснованное умозаключение. Мы не должны, отмечал профессор, выражать беспокойство о положениях (Устава ООН), предусматривающих выступление

государств с односторонними декларациями о признании обязательной юрисдикции. Поступают новые декларации. Количество государств, которые сделали такие декларации, не столь значительно, но оно постоянно увеличивается. По мере распространения среди государств понимания значимости поддержания режима господства права *Rule of Law* в международных отношениях общее количество государств, выступающих с односторонней декларацией о признании обязательной юрисдикции Международного суда, будет увеличиваться.

И это действительно так. Восприятие значимости выступления с соответствующими декларациями получает своё универсальное подтверждение. Юридическим основанием для такого заключения является принятие мировым сообществом государств Декларации тысячелетия 2000 г. и Декларации саммита 2005 г., где прямо подтверждена приверженность господству права *Rule of Law* в международных отношениях. Практическая реализация постулатов должного поведения, как это предписывается реальными категориями господства права, проявляется через готовность государств – членов мирового сообщества обращаться в Международный суд за разрешением своих споров.

При таком повышении роли Международного суда в современном миропорядке предлагается учредить систему региональных камер Международного суда. Известно, что согласно Статуту Суда по обстоятельствам взаимного согласия сторон дело, переданное в Суд, может быть рассмотрено в камере суда. Формирование субъектного состава судейского корпуса происходит по факту определения Суда с одобрения сторон (п. 2, 3 ст. 26 Статута Суда). Общие полномочия Суда здесь определяются возможностью для него образовывать одну или несколько камер с составом из трёх или более судей (по своему усмотрению) для решения определённых дел и дел по предмету транзита и связи (п. 1 ст. 26 Статута Суда).

Институционно-правовой формат полномочий Международного суда в части разрешения дел в камере включает в себя обязанность Суда ежегодно образовывать с целью ускорения разрешения дел камеру из пяти судей, которая с общего согласия сторон рассматривает и разрешает дело в порядке упрощённого производства (п. 1 ст. 29 Статута Суда).

Практика деятельности Международного суда по разрешению споров в камере Суда свидетельствует о востребованности обращения государств – сторон спора к институту камер Суда.

¹⁹ См.: *Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 40, 41.

Так, решение Международного суда было вынесено в рамках камеры Суда по следующим делам: разграничение морской границы в районе залива Мейн (образована 20 января 1982 г.); электроника Сикула (ELSI) (США против Италии) – образована 3 апреля 1985 г.; спор о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/ Гондурас: Никарагуа) – образована 8 мая 1987 г.; спор о границе между Бенином и Нигером – образована 27 ноября 2002 г.; заявление о пересмотре решения от 11 сентября 1992 г. в деле, касающемся спора о сухопутной, островной и морской границе (Сальвадор/ Гондурас: вступление в дело со стороны Никарагуа) (Сальвадор против Гондураса) – образована 27 ноября 2002 г.²⁰

Источниковая база Суда, применяемая в рамках камеры Суда или при вынесении решения в полном составе Суда, обозначает себя в параметрах ст. 38 Статута. И здесь она всегда едина для всех международных судебно- арбитражных органов: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права как основные источники международного права параллельно с такими вспомогательными источниками права, как судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций. Юридическая обязательность решения для сторон, вынесенного Международным судом в полном составе судей и в камере Суда, идентична. Решение, постановленное одной из камер, гласит ст. 27 Статута Суда, считается вынесенным самим Судом. Институционально-правовой формат функционирования камер Международного суда показал свою действенность и востребованность в аспекте степени обращения государств за разрешением споров. На этом фоне представляются юридически неприемлемыми доктринальные заявления отдельных учёных о необходимости учреждения региональных камер Международного суда. Продвижение в жизнь предложений о распространении практики региональных камер Суда приведет к раздроблению, фрагментации международного права как законченной и целостной системы, являющейся, как справедливо отмечал на это счёт проф. Х. Лаутерпахт, подтверждённым феноменом науки и практики современной международной юриспруденции²¹.

Современное международное право как законченная и целостная система права не содер-

жит лакун, носит универсальный характер и в этом смысле осуществляет своё регулятивное воздействие по всему кругу субъектного состава мирового сообщества государств. Организация Объединенных Наций как универсальная международная организация, объединяющая практически все государства, и составляет мировое сообщество. Тем самым современное международное право определяет себя как право мирового сообщества, которое оказывает своё регулятивное воздействие по горизонтали в режиме суверенного равенства всех своих членов без каких-либо изъятий и преимуществ. В рамках обозначенного права, выступающего в формате права мирового сообщества, активно осуществляют свою деятельность специальные органы ООН, каждый по своей, предметно составляющей линии.

Политическую составляющую перед мировым сообществом принимает на себя Совет Безопасности ООН, который несёт на себе главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 Устава ООН). Государства – члены мирового сообщества во исполнение своих обязательств по Уставу ООН соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их.

Юридическую составляющую ответственности перед мировым сообществом выполняет Международный суд, который согласно Уставу ООН (ст. 92) выполняет роль главного судебного органа Организации Объединённых Наций, причём эффективно и в режиме высокой включённости в процесс обеспечения права.

Компетенция Международного суда по разрешению споров между государствами (в общепризнанных рамках органа по обеспечению добросовестного соблюдения международного права) никак не пересекается с компетенцией Совета Безопасности (в обозначенных параметрах органа по содействию поддержанию международного мира и безопасности). Международный суд через применение всей источниковой базы международного права разрешает все переданные ему споры без какого-либо деления на юридические и неюридические (политические) споры, как это до сих пор делают некоторые ученые: (Дж. Стоун (J. Stone), У. Шёнер U. Scheuner)²².

²⁰ International Court of Justice. Yearbook 2002–2003. The Hague, 2003. P. 22, 23.

²¹ См.: International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1975. Vol. 2. Part 1. P. 214–217.

²² См.: Stone J. Legal Control of International Conflict. London, 1954. P. 155–164; Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 60.

Будучи главным судебным органом ООН, Международный суд не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Тем самым Международный суд подтверждает всей своей деятельностью целостный и законченный характер международного права.

По характеру своего существа международное право не приемлет каких-либо действий, могущих в той или иной степени привести к его фрагментации, раздроблению. В этом плане концептуальные посулы, которые под видом заботы об особенностях того или иного региона ведут к фрагментации и раздроблению международного права как целостного и законченного по своему характеру организма, юридически не допустимы и поэтому призваны быть однозначно отвергнутыми. Естественная заинтересованность правоведа в деле поддержания целостности и законченности системы современного международного права правильно понимается большинством учёных: Т.О. Элайес (T.O. Elias), Р.П. Ананд, (R.P. Anand), Р.Р. Бакстер (R.R. Baxter), Х. Уолдек (H. Waldock)²³. Соответственно, юридически не приемлемы доктринальные утверждения (Г. Стейбергер (H. Steinberger)²⁴, фактически допускающие создание региональных камер пол предлогом учёта устоявшихся региональных обычаев (например, принципа **uti possidetis juris** для региона Латинской Америки или специального права для государств Ближнего и Среднего Востока).

Современное международное право и вся образованная на его основе система права мирового сообщества носят универсальный характер, а Международный суд как главный судебный орган системы права мирового сообщества содействует своей практической деятельностью обеспечению господства права Rule of Law в международных отношениях.

В порядке отправления возложенных на него функций по осуществлению международного правосудия Международный суд применяет всю источниковую базу международного права, как она зафиксирована в ст. 38 Статута Суда.

При всем признанном наукой и практикой современной международной юриспруденции делении на основные (международные конвен-

ции, международный обычай и общие принципа права, признанные цивилизованными нациями) и вспомогательные источники международного права (судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) в нём не обозначены такие значимые юридические акты, как резолюции международных организаций. Речь идёт о нормоустановительных резолюциях Генеральной Ассамблеи, определяющих международно-правовые основы современного миропорядка и принятых сообществом государств в целом.

Концентрация академической мысли учёных на нормоустановительных резолюциях Генеральной Ассамблеи, устанавливающих критерии международно-правового обустройства современного миропорядка и получивших признание со стороны всего сообщества государств, в плане рассмотрения их в рамках источниковой базы международного права вполне понятна логически и обоснованна юридически. Нормоустановительные акты ("law-making acts") Генеральной Ассамблеи с учётом их юридической значимости и востребованности со стороны мирового сообщества государств могут быть (наравне с судебными решениями и доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных стран) рассмотрены в качестве "вспомогательного средства для определения правовых норм".

Логика права определяет место, которое призваны занимать нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи в общей структуре источников международного права, применяемых Международным судом при разрешении дел. Это место обозначено в п.д ст. 38, где записано, что Суд при решении переданных ему споров применяет...судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

Нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи по своему юридическому содержанию не могут быть включены в рамки основных источников международного права, а именно: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями. Международные конвенции есть письменный юридический акт, который является результатом взаимно выраженного согласия государств на его обязательность. При обстоятельствах, когда нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи являют

²³ См.: Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 32, 53, 54, 57.

²⁴ Ibid. P. 259–271.

собой принятое посредством устного голосования решение международной организации, говорить о допустимости их рассмотрения под общим обозначением “международные конвенции” не представляется приемлемым. В равной степени нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи не подпадают в формат понятия “международный обычай”. В п.с ст. 38 Статута Суда международный обычай обозначается как “доказательство всеобщей практики, принятой в качестве правовой нормы”. Международный обычай представляет собой неписаное правило должного поведения, сформировавшееся по факту универсальной практики мирового сообщества при наличии понимания ее обязательности (*opinio juris sive necessitatis*). Нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН являются по своей сути письменными юридическими актами (хотя и отражающими сконцентрированное в них согласованное мнение мирового сообщества) и уже поэтому по формальным критериям не подпадают в формат “международного обычая”.

В ситуации, когда представляется неприемлемым говорить о том, что нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН могут применяться Международным судом в аспекте понятия “международный обычай”, нельзя отрицать вообще случаев возможного присутствия тех или иных норм обычно-правового характера в положениях нормоустановительных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Вполне могут иметь место случаи присутствия в нормоустановительных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, принятых мировым сообществом, норм обычно-правового характера. Однако данное обстоятельство все-таки никак не снимает обоснованности вывода о том, что нормоустановительные резолюции Генеральной Ассамблеи не могут быть применены Международным судом (при решении переданных ему споров) в аспекте понятия “международный обычай” по определению.

Наработанный позитив современного международного права не представляет возможности при применении Международным судом нормоустановительных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в рамках понятия “общие принципы права”, признанные цивилизованными нациями. Согласно своему концептуальному посылу “общие принципы права, признанные цивилизованными нациями”, – это принципы, общие для правовых систем различных цивилизованных государств. Речь идет, как справедливо отмечают ученые, Ш. Руссо (Ch. Rousseau), Б. Ченг (B. Cheng), Оппенгейм (L. Oppenheim), Х. Лаутерпахт (H. Lauterpacht), о

принципах, рассматриваемых государством как часть правопорядка любого государства – члена мирового сообщества²⁵.

Первоначально само определение “общие принципы права, признанные цивилизованными нациями” было принято по факту завершения 15-го совещания Консультативного комитета юристов (3 июля 1920 г.) по выработке Статута Лиги наций²⁶. Составляя суть правопорядка любого государства – члена мирового сообщества, общие принципы права, признанные цивилизованными народами, и стали его частью. При этом, как справедливо отмечает проф. В. Ченг (B. Cheng), термин “цивилизованными” по сути стал излишним, поскольку любое государство – член мирового сообщества должно рассматриваться как цивилизованное²⁷.

В этом смысле все государства как члены мирового сообщества государств принадлежат к единой человеческой цивилизации. Общие принципы права, став частью современного международного права, образуют третий базовый элемент основных источников (наряду с международными конвенциями и международными обычаями) международного права, которые применяет Международный суд при разграничении переданного ему спора. В качестве примера общих принципов права называются принцип юридической обязательности судебного решения для сторон спора (*res judicata*), принцип добросовестности, принцип недопустимости злоупотребления правом, принцип приоритета специальной нормы над общей нормой (*lex specialibus generalibus derogat*); процедурные принципы при отправлении правосудия; принцип, согласно которому все, что не запрещено, дозволено; принцип недопустимости двойного наказания (*non bis in idem*); принцип “нет наказания без соответствующего закона” (*nulla crimen sine lege*).

Практический позитив понятия “принцип”, как выражающего общее содержание правильности поведения с реально вырабатываемыми юридически обязательными последствиями (решение Международного Арбитражного суда 1903 г. по делу “Джентин” (“Gentini”) между Италией и Венесуэлой)²⁸, полностью применим к общим прин-

²⁵ См.: *Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. T. 1. P. 370–390–397; Cheng B. Op. cit. P. 1–31; Oppenheim’s International Law. Op. cit. P. 36–40; International Law. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge 1970. Vol. 1. P. 28, 34, 47, 52, 54–57.*

²⁶ См.: *Cheng B. Op. cit. P. 14.*

²⁷ См.: *ibid. P. 25.*

²⁸ См.: *Ralston J.H. Doyle W. T.S. Venezuelan Arbitrations of 1903. Washington, 1904. P. 720, 725.*

ципам права. Общие принципы права, как они обозначены в пункте в п. “с” ст. 38. Статута, – это юридически обязательные постулаты должного поведения государств в рамках их собственного внутреннего миропорядка. Соответствующие постулаты должного поведения государств приобрели характер общих принципов права для всех членов сообщества. Общие принципы права, показав свою востребованность, перешли в систему современного международного права в параметрах третьей его источниковой составляющей. Широта воздействия общих принципов права на систему современных международных правоотношений позволяет говорить об обоснованности заключений проф. Л. Оппенгейма о возможности применимости общих принципов права в отношениях между государствами и международными организациями²⁹. Тем самым решения международных организаций (резолюции Генеральной Ассамблеи ООН) в формате общих принципов права могут стать применимыми Международным судом при разрешении им споров. Действительно, соответствующие общие принципы права (например, принцип недопустимости злоупотребления правом) становятся противопоставимыми по отношению к правомочиям международной организации по принятию своих решений – решений международных организаций как вторичного и производного субъекта международного права: в силу недопустимости принципа недопустимости злоупотребления правом они не могут выходить за рамки правомочий международной организации и быть в режиме *ultra vires*.

При всей недопустимости рассмотрения общих принципов права применительно к взаимоотношениям по линии государство – международная организация и её “решения” говорить о том, что общие принципы права есть суть решения ООН, не представляется приемлемым по сути. В этом плане предложения (они озвучены в выступлении проф. В. Стрейнгбенгера) сделать в определении (“общие принципы права, признанные цивилизованными нациями”, ссылку на решения международной организации) (“общие принципы права, как они проистекают из решений Генеральной Ассамблеи ООН”)³⁰ не могут быть приняты по существу.

Общие принципы права определяют постулаты должного поведения государств по всему периметру их внутреннего правопорядка. Соединяя в себе наработанный позитив каждого из правопорядков, общие принципы права в том формате, в каком они применяются Международным судом при разрешении переданных ему споров, являются третьим по своей значимости (основным) источниковым базисом международного права. На этом фоне решения Генеральной Ассамблеи ООН обозначают письменный юридический акт международной организации в ее статусе вторичного и производного субъекта международного права. И принимаются эти решения сугубо в рамках установленной Уставом ООН функциональной компетенции Организации. Поскольку решения (резолюции) Генеральной Ассамблеи ООН есть по своей сути решения международной организации, поэтому по аналогии с решениями судебнo-арбитражных органов (“судебные решения” – именно так они называются в п. 1 “d” ст. 38 Статута Суда) они могут применяться Международным судом совместно с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций – именно как вспомогательное средство для определения правовых норм. В этом плане можно согласиться с позицией профессоров Э. Хамбро (E. Hambro) и Р.П. Ананда (R.P. Anand)³¹, которые считают, что решения (резолюции) международных органов (Генеральная Ассамблея ООН согласно ст. 7 Устава ООН является одним из шести главных органов ООН наряду с Советом Безопасности, Международным судом, Советом по опеке, Секретариатом, Экономическим и Социальным Советом) следует рассматривать “по крайней мере” в качестве вспомогательных средств для определения правовых норм. Словосочетание “по крайней мере” здесь применено не случайно, поскольку некоторые ученые, например Л.Б. Сон (L.B. Sohn)³², вполне обоснованно полагают, что решения Генеральной Ассамблеи ООН можно рассматривать в общих параметрах п. 1 “b” ст. 38 Статута Суда, где идет речь о международном обычае. В качестве довода приводится такой показательный пример, как единогласно принятая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1963 г., которая вполне обоснованно рассматривается наукой и практикой современной международной юриспруденции в качестве Декларации правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства. Основополагающими здесь справедливо следует

²⁹ См.: Oppenheim’s International Law. Ninth Edition. Peace. Cambridge, 1992. Vol. 1. P. 36–40.

³⁰ Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1973. P. 269.

³¹ См.: *ibid.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 62.

³² См.: *ibid.* Berlin, Heidelberg, New York, 1964. P. 64, 65.

считать следующие два международно-правовых принципа, обретших качество международного обычая. Первый принцип касается положения, согласно которому космическое пространство и небесные тела не могут быть объектом присвоения со стороны государств. По аналогии с открытым морем космическое пространство и небесные тела рассматриваются мировым сообществом в качестве объектов общего пользования *res communis* и поэтому вполне логично не могут быть объектом присвоения со стороны государств. А поскольку это так, то, соответственно, отсюда вытекает другой принцип, получивший качество международного обычая. Речь идет о принципе недопустимости милитаризации космического пространства и небесных тел. В решении Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1963 г., от имени мирового сообщества государств на этот счет сказано следующее: “Мы принимаем этот принцип о недопустимости размещения оружия массового поражения в космическом пространстве как обязательный для нас”. Согласованное мнение государств – членов мирового сообщества выполнять взятое на себя обязательство по соблюдению положений решения (резолуции, декларации) Генеральной Ассамблеи ООН следует рассматривать как присутствие *opinio juris sive necessitatis*. Высказанная на этот счет концептуальная позиция проф. Л. Соны (L. Sohn)³³ по поводу юридической оценки готовности государств придерживаться принятых на себя обязательств согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН именно как присутствию второго (после всеобщей практики) элемента международного обычая (а именно: *opinio juris sive necessitatis*) вполне приемлема с научной точки зрения.

³³ См.: *ibid.* Berlin, Heidelberg, New York, 1974. P. 64, 65.

Допустимость рассмотрения решений (резолуций) Генеральной Ассамблеи ООН в аспекте международного обычая не снимает самой проблемы определения надлежащего места решений (резолуций) Генеральной Ассамблеи ООН в общей структуре источников международного права, применяемых Международным судом ООН при разрешении переданных ему споров. И здесь проф. В.К. Гек (W.K. Geck)³⁴ совершенно прав, когда говорит о сомнительности рассмотрения решений (резолуций) Генеральной Ассамблеи ООН в рамках понятия п. 1. “с” “общие принципы права, признанные цивилизованными нациями”. Действительно, общие принципы права, как мы установили, совокупность написанных постулатов должного поведения субъектов права, выработанных национальным нормотворчеством государств – членов мирового сообщества. Решения (резолуции) Генеральной Ассамблеи ООН как письменный юридический акт, сопоставимый с решениями Международного суда ООН, могут применяться последним при решении переданных ему споров в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (п. 1. “d” ст. 38 Статута суда).

Применяя весь совокупный источниковый состав международного права (ст. 38 Статута Суда), Международный суд ООН решает переданные ему споры между государствами (вне зависимости от их формального различия на правовые и неправовые) и тем самым обозначает свою роль как органа по обеспечению господства права *Rule of Law* в международных отношениях.

³⁴ См.: *ibid.* P. 65.